

УДК 130.32

**Александр Александрович  
Александров**

доктор философских наук, заместитель  
Руководителя Администрации Губер-  
натора Свердловской области – дирек-  
тор департамента внутренней полити-  
ки, г. Екатеринбург, (343)217-86-63,  
alexandrov@gov66.ru

**Татьяна Сергеевна  
Коломейцева**

старший преподаватель кафедры  
общепрофессиональных  
и гуманитарных дисциплин  
Шадринского филиала  
Тюменского государственного  
университета, г. Шадринск  
8.922.619.60.48 kolomeytse-  
va@yandex.ru

**ДУХОВНОЕ САМООСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА  
В ГЕГЕЛЕВСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ  
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А. ИЛЬИНА**

В статье рассмотрена проблематика необходимости духовного самоосвобождения человека в антропологической интерпретации И.А. Ильиным гегелевской философии. Осуществление человеком свободы понимается как итог напряженной саморефлексии, осознанный выбор и практическое действие.

Свобода, духовное самоосвобождение, экзистенциализм, конкретизация абсолюта, самоопределение человека, теология.

Интерпретация философского наследия Г.В.Ф. Гегеля, осуществленная И.А. Ильиным, отличается высоким гуманизмом. «Всякий человек в глубине души своей, внутренне и сокровенно, всегда разумен и свободен, даже тогда, когда он в своих поступках заблуждается и падает» [3, с. 307-308], – пишет Ильин. Жизненный путь людей организуется согласно оптимистическому закону: «Корень человеческого духа искони направлен на благо; человек, по самой природе своей ищет разумом блага и определяется им» [3, с. 308], – указывает русский философ.

Свобода всегда признавалась Гегелем как неотъемлемая характеристика истинного понимания человека, это центральная тема в антропологии немецкого философа [1, с. 82]. Для И.А. Ильина все направления философского поиска, связанные с вопросами бытия человека, сводятся в конечном итоге к раскрытию проблематики свободы: «Задача философии, трактующей человека, постигнуть его жизнь как единый поток к свободе» [3, с. 272].

Всякая свобода должна воплощаться в конкретных образах мира, иначе она перестанет являться таковой. Связь изначально бла-

гого, истинного бытия, к которому направлена душа человека, и повседневной видимости должна со временем становиться все более отчетливой. Постепенно ориентир свободы получает характер влияния на все большее число людей.

Осуществление свободы – процесс. Человеческое общество с каждым новым этапом исторического развития должно все более раскрывать в себе свою изначальную свободу. Таким образом осуществляется конкретизация свободы в реальной жизни.

Для того времени, когда Ильин работал над интерпретацией философии Гегеля, тема свободы должна была иметь особо актуальное значение. В годы восстаний, мятежей и революций народ хотел не свободы даже, а воли, вольницы. Ильин своей работой о Гегеле показывает, что воля (хаос) уже изначальна есть в этом мире. Задача человека – открыть себя не для произвола, а для свободы, отшлифовать алмаз человеческой сущности. Обращение русского философа к немецкой классической философии можно рассматривать как дань почтения вечным ценностям внутренней свободы.

И.А. Ильин был убежден, что «все учение о «человеке» и «человеческом» должно быть возведено на *космологической*» основе [3, с. 345]. Фундаментальным является и место свободы в этой системе координат. Свобода выступает в гегелевской философии как звено, в котором антропология мыслителя тесно соединена с его онтологией. Свобода не только социальное и не только историческое понятие, оно имеет субстанциальную, космическую природу [1, с. 94].

Разум и свободу Гегель признает как единственную реальность. Повседневный, не очищенный мыслью мир есть «царство случайности, дурной эмпирической необходимости, несвободы, «психологического принуждения» [3, с. 62]. Человек принадлежит обоим мирам, и эта двойственность обуславливает парадоксальность его существования. Человек знает о своей ограниченности, но она мнима. Человек знает о своей несвободе, но это знание ошибочно. Изначальное ощущение несвободы есть лишь указание на то, что человек не встал на верный путь, который приведет к действительной свободе. Истинный человек тот, кто начинает путь духовного самоосвобождения.

И.А. Ильин различает два вида свободы в гегелевской философии: отрицательную свободу и положительную свободу. Первая означает отсутствие противостоящего субъекту инобытия. Все возможное богатство реальности есть сам субъект, поэтому ничто не оказывает ему сопротивления, субъект свободен от любых ограничений, отрицается сама возможность противодействия. Положительная свобода отождествляется с творческой силой, которая неизбежно осуществляет свой замысел, выходя обогащенной из всех злоключений эмпирического мира, которые признаются неизбежными. Ее работа направлена на саму себя и выполняется посред-

ством отпущения себя в инобытие, а затем после победоносного восстановления происходит обогащение субъекта и его подлинная конкретизация.

Первая свобода человеку недоступна в силу объективных свойств материального мира, но человек призван быть вовлеченным в осуществление свободы второго типа. И это именно призвание, высокая миссия, именно через человека осуществляется самоосвобождение того, что гораздо больше, чем он сам: «Абсолютное освобождает себя в процессе душевной и духовной жизни человека» [3, с. 260]; назначение человека Гегель видит «в творческом самоотождествлении себя со своим абсолютным духовным средоточием (субстанцией) и в восхождении к абсолютной свободе» [3, с. 259]. С помощью разработки категории свободы Ильин возносит человека к самому Богу.

Здесь находит выражение важнейший принцип интерпретации Ильиным гегелевской философии: «Дух свободен, когда он *знает, что он есть абсолютное самоопределение*. Тогда он *свят*, ибо свято то, что само разумно и – знает о разумном» [3, с. 265]. Свобода – это «закон Божественной жизни» [3, с. 256]. Бог – это «объективный смысл как свободный субъект» [3, с. 256].

И.А. Ильин указывает на то, что свобода, наряду с разумностью, это обязательная характеристика Абсолюта – Понятия, и она есть одно из условий истинности Бога для Гегеля. Она оказывается космической, телеологической основой бытия человека: с помощью человека Бог реализует свою свободу. Поскольку дар рефлексии доступен исключительно человеку, то он становится медиумом Бога.

В самом начале посвященного человеку второго тома своего исследования Ильин указывает, что философия Гегеля «стремится постигнуть смысл человеческой жизни и утверждает, что человек и его дух, его дела, его нравственность, его история и его смерть – все это образует высший этап самоосвобождения Божия» [3, с. 255]. Поэтому «онтологический корень человеческого существа – духовное самоосвобождение» [3, с. 259].

Свобода есть высшая независимость человека, но это не свобода от Бога, она творится для Бога, это культивирование в себе независимости от всего случайно-человеческого. Основная задача философа (и вслед за ним истинного человека) заключается в том, чтобы решительно отвергнуть эмпирический мир («пассивные ощущения, чувственные влечения, аффекты и страсти» [3, с. 263]), признать его несуществующим во имя утверждения божественной свободы.

То, что все внимание Гегеля приковано к сфере разума, мысли, естественно, если учитывать границы, которые он обозначил. В практической жизни, в повседневности «упразднение» эмпирии совершенно не осуществимо, остается единственная отдушина – пространство рефлексии.

Но и в процессе рефлексии необходимо избегать соблазнов признать ограничения иллюзорного мира реальными. Человеку подобает приучить себя к железной дисциплине, мобилизовать все свои волевые ресурсы. Именно эта одна мощная интенция, берущая источник в силе божественной свободы, есть способ существования человека: «воля есть человеческая душа в целом, достигшая уровня свободного самоопределения» [3, с. 287]. Можно сказать, что человеческая воля – это конкретизация абстрактной свободы, «эта воля есть не что иное, как подлинная сила самого Божества» [3, с. 242].

Основная задача людей – стать органичной частью мирового порядка. Слившись с Богом, человек получает от него свободу, и в этом случае свобода становится «единственной реальностью» [2, с. 248]. Тогда человек уже не воспринимает иррациональные явления земного мира как неизбежные, он знает о том, что Богу подвластно все: «Всеобщее есть творческая сила, не страшаясь самоотрицания и создающая через него всякое содержание; в качестве субстанции она есть *«абсолютная сила»* по отношению к своим акциденциям и определениям» [3, с. 110].

Классическая проблема свободы и необходимости в гегелевской философии также решается Ильиным на спекулятивной основе, которая в конце концов оказывается и теологической. Русский философ различает два вида необходимости. Во-первых, «банальную» [3, с. 34], то есть «внешнюю» [3, с. 212], «механическую» [3, с. 212], «дурную эмпирическую» [3, с. 62], связанную со случайными материальными характеристиками повседневного мира, которые не имеют никакого значения; во-вторых, «духовную» [3, с. 62], «внутреннюю» [3, с. 155], «имманентную» [3, с. 164], «абсолютную» [3, с. 168] необходимость, являющуюся выражением Божественных законов развития мира. Далее, поскольку внутренняя необходимость есть свойство Понятия, то Ильин утверждает единство для Гегеля «логической» и «органической» [3, с. 158] необходимости. Движение мысли закольцовано само на себе и образует целостный организм смысла. А поскольку Понятие таким образом осуществляет свою полную конкретизацию согласно законам самоопределения и органического роста, то оно является свободным.

«Свобода есть “истина” необходимости» [3, с. 164], – пишет Ильин. Бог исключительно свободно осуществляет намеченный им замысел и не имеет в том никакого ограничения. Ильин наделяет Божество афористичной характеристикой, схожей по форме со знаменитыми гегелевскими афоризмами: оно подобно «движению, свободному в своей необходимости и необходимому в своей свободе» [3, с. 178].

Человек также порожден божественной необходимостью, как и остальные явления. И поскольку ему предстоит слияние с богом в сфере разума, то он тоже стоит перед необходимостью внутреннего

самоопределения в пользу самоотречения [3, с. 270]. Но это самоотречение есть отказ лишь от внешнего и случайного в пользу системного осуществления своей сущности.

Самоопределение есть всегда действие, а значит и отпускание себя в состояние конечности и раздвоения, это нахождение в эмпирическом мире. Бог даже в самом высоком акте осуществления свободы обрекает человека все больше погружаться в земной мир случайности, подчиняясь его правилам.

Несмотря на это жизнь человека объявляется подчиненной божественной телеологии: «Цель человеческого бытия осуществляет себя *сама* в его жизни» [3, с. 260]. Гегель абсолютно убежден в неизбежности воцарения безграничной свободы духа. Все движение духа – преодоление отчуждения, дух выбирается из любых кризисов и катаклизмов на пути к ней как к высшей цели [1, с. 84].

На первый взгляд, И.А. Ильин тоже воспевае роль свободы и определяет философию Гегеля как «учение о Божией свободе» [3, с. 255]. Но он называет ее учением, а не наукой, как предпочел бы сам немецкий философ. И это не случайно: учение основано на вере, наука же требует доказательств.

Если Бог есть свобода, то как быть с тем, что Бог свободно отпускает себя в мир зла и не может, по Ильину, преодолеть его? Инобытие оказывается реальным фактом, Бог теряет свою самозаконность, завершенность, единственность, у него появляется иной объект и субъект, кроме себя самого. Божество «поставило перед собой задачу» [3, с. 257] осуществить «спекулятивную метаморфозу» [3, с. 259], доказать себе, что оно свободно, но не справилось с ней. Внутренний раскол препятствует торжеству свободы. Он лишается торжества самоопределения, развития, воплощения богатства своего потенциала.

Оказывается, что свобода – не реальная характеристика Бога, а декларативная часть учения о Боге. Ильин сближает гегелевский замысел и библейское предание: «свобода есть как бы утраченный и возвращаемый рай» [3, с. 258], «эмпирическое существование есть тот крест, на котором распят Божественный разум, и с этого креста только один путь воскресения – в спекулятивной мысли» [3, с. 268]. Логический процесс Гегеля получает у Ильина метафору «пророчества о земном» [3, с. 192]. Далее русский философ делает еще более откровенное сравнение: «по замыслу Гегеля, спекулятивная философия несет миру *новое евангелие*: благую весть о единственной реальности Божества и о несказанной прекрасности той цели, которая осуществляется в жизни мира и человечества» [3, с. 476].

Решение задачи конкретизации Абсолюта отодвигается в бесконечность времени и на ее пути ставится условие за условием. «*Освободится ли мир когда-нибудь от чувственного элемента совсем*, – на это у Гегеля нет указаний; он полагает, что это осуще-

ствимо только *для человека*, и притом только *внутренне*, и притом только в *спекулятивном мышлении*; возможно ли, что “мир” однажды целиком претворится в «тотальность» индивидуальных, спекулятивно-мыслящих “духов”, остается неизвестным» [3, с. 221], – пишет Ильин.

Казавшееся целостным саморазвитие Понятия теряет свою системность, и человек вынужден сам, словно в темноте на ощупь, восстанавливать ее и искать место для себя в этой системе. Так человек делает сомнительное допущение, что Бог всемогущ и проникается его свободой. Так человек становится действующим лицом «трагедии свободы» [3, с. 270]. Свобода – это сердцевина соглашения, которое человек заключает сам с собой в сфере спекулятивного мышления для того, чтобы выжить в мире хаоса.

Свобода не есть истинная сущность Бога, но самоосвобождение – долг человека, это его конституирующая задача, онтологическая основа его сущности. Здесь наиболее сильно звучание экзистенциальной темы: существование предшествует сущности, человеку еще только предстоит стать человеком, самоосвободившись.

Осознание своей свободы предполагает отношение к Богу как к человеку, который тоже не всемогущ. Бог может посочувствовать страданиям, но ему не устранить их. Это уже не Бог-отец-вседержитель, это, скорее, Богородица, которая есть утешение, любовь и молитва о спасении. Происходит не обожествление человека, как у Ницше, а наоборот, антропологизация Бога. Бог перестает быть субстанцией и обретает свое место в человеческой душе.

Субъективная свобода есть не произвол, а акт служения Богу внутри себя. Свобода есть согласие принять законы несовершенного внутреннего Бога. Это великая ответственность – самостоятельно и окончательно решить, что внутри тебя божественно и ценно, а что нет. Теперь человек сам становится для себя субъектом и объектом. И.А. Ильин показывает, что если человек вступил на путь самоосвобождения, значит он реализовывает собственную богочеловечность.

Свобода человека конкретна, персонализирована, ответственна, а главное – она представляет собой динамический, развертывающийся во времени процесс. Утверждение свободы есть не просто практическое действие, это акт борьбы. Борьба происходит между изначально божественной тягой к свободе и соперничающей с ней по силе иррациональной природой земного мира. «Все в этом мире есть борьба между ноуменальной силой “логической” субстанции и феноменальной силой “чувственного” элемента» [3, с. 221], – пишет Ильин. – Находиться на острие этой борьбы – бытийная характеристика человека, призванного являться «освобождающим себя образом мира» [3, с. 273].

Человеку чувственно-эмпирический мир необходим, иначе просто исчезнет источник борьбы, развития. Только претерпевая лишения и искушения, человек становится «действительным» [3, с. 273].

Чем больше испытаний преодолевает человек, тем более искусственным становится его знание о формах не-свободы, тем более полной становится картина всеобщего несовершенства. Единственное, что человек может противопоставить этому – стоическое напряжение мысли, практика культа разума и свободы. Ильин в своей работе показывает, что сам Гегель идет именно этим путем.

Человек знает, что впереди его ждет смерть, что Бог его несовершенен, что таков его путь в мире и такова его судьба. Ничего нет, кроме этой неизбежности, и Рок заменяет место Бога. Единственная сфера, которая остается человеку для свободного творчества – это сфера духа, там он черпает свои силы перед жестокостью судьбы, там источник его жизни. Духовное самоосвобождение – обязательное условие бытия человека, то, без чего он становится просто безвольной пылинкой в океане хаоса.

Человек должен, с одной стороны, признать неизбежность злой судьбы, но с другой стороны, увидеть иной, духовный горизонт своего бытия. Свобода подразумевает под собой «неопределенно-огромную перспективу будущего восхождения» [3, с. 221]. Напрашивается вывод, что здесь ему не обойтись без веры, ибо «мир не может превратиться без остатка в чистую мысль» [3, с. 270]. Но Гегель забирает у человека право на веру, абсолютизируя силу знания.

Разоблачая Гегеля, Ильин развенчивает и кумира своих революционных современников – Маркса: история не есть процесс самоосвобождения. История человека оказывается не торжеством социального конструктивизма, а духовным примирением с Богом и необходимостью лелеять светоч духа в мире хаоса. Происходит коренная смена акцентов: жизнь человека есть самоосвобождение. Духовное самоосвобождение есть высшая задача и предназначение человека. Свобода для человека – это осознанный выбор в пользу поклонения своему духовному началу.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александров А.А. Проблема человека в философии Гегеля. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2004. 475 с.
2. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Ч. II. СПб.: Алетейя, 2000. 413 с.
3. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 542 с.

## RESUME

**Aleksandr Aleksandrovich Alexandrov**, Doctor of Philosophy, Deputy Head of the Administration of the Governor of Sverdlovsk Region, Director of the Department of Domestic Policy, Ekaterinburg, (343)217-86-63, alexandrov@gov66.ru

*Александров А.А., Коломейцева Т.С. Духовное самоосвобождение человека  
в гегелевской антропологии в интерпретации И.А. Ильина*

---

**Tatiana Sergeevna Kolomeytseva**, Senior lecturer of the Department of General Professional Disciplines and Humanities at Shadrinsk Branch of Tyumen State University, 8.922.619.60.48, kolomeytseva@yandex.ru

**Spiritual self-release of a person in I.A. Ilyin's interpretation of Hegel's anthropology**

The paper highlights the problem of the necessity of person's spiritual self-release in I.A.Ilyin's anthropological interpretation of Hegel's philosophy. Person's realization of freedom is considered as the summary of self-reflection, choice and practical act.

Freedom, spiritual self-release, existentialism, concretization of an absolute, person's self-determination, theology

Материал поступил в редколлегию 29.07.2011 г.